

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, 14 февраля 2002 г.

Когда говорят о режиме бати Лукашенко и о гонениях на белорусскую интеллигенцию, обязательно всплывает фамилия Быкова.

— Василь Владимирович — совесть нации, — так, пусть и несколько пафосно, представляют его в оппозиционном Минске.

— Никто его никогда не выгонял. Я сам его очень люблю, — убеждал недавно широкую общественность в эфире НТВ президент Белоруссии, делая вид, будто не понимает, почему писатель живет не на родине, которую освободил от фашистов, а в Германии.

— К счастью, сейчас наступило такое время, когда каждый человек может жить там, где он хочет. Но здесь меня держит отнюдь не туристический интерес. Здесь я наконец-то могу спокойно работать, — первым делом признался Василь Владимирович.

Мы встретились во Франкфурте-на-Майне, где он проживает в последнее время, в кафе публичной библиотеки.

— Я уже очень давно разрабатываю военную тему, — говорит Василь Владимирович. — Поэтому мне было очень важно увидеть послевоенную Германию, познакомиться с нынешними немцами.

— В белорусской прессе часто прокльзывает мысль, что, мол, Быков просто давно “исписался” и ничего нового сообщить миру не может. Поэтому и заигрался в политику, чтобы хотя бы в этом качестве его не забывали...

— К подобным высказываниям я давно привык. Грязью меня поливают уже много лет. И с каждым разом кампании эти становятся все грубее и топорнее. Ничего, кроме мерзости и чувства брезгливости, они не вызывают... Бывшие и нынешние коммунисты — что в принципе одно и то же — в последние годы развернули против меня такую травлю в белорусской прессе, на ТВ и радио, что в конце концов я вынужден был искать тихое прибежище. Здесь я живу по приглашению магистрата Франкфурта. Меня на год обеспечили жильем и стипендией. Так что чувствую я себя в Германии совсем неплохо — в отличие от родной Белоруссии. А до этого год прожил в Берлине, еще раньше — 1,5 года в Финляндии.

ИЗ ДОСЬЕ “МК”. Несколько лет назад международный Пен-клуб организовал проект “Города — убежища для писателей”. Германия, Италия, Франция, Испания, ряд скандинавских стран пригласили к себе притесняемых писателей из бывших республик СССР и мусульманских государств.

Самыми притесняемыми признаны курдские писатели, почетное второе место занимают поэты и прозаики из Республики Беларусь. Кроме Быкова за границей проживают еще Светлана Алексиевич (на севере Италии) и Олесь Рязанов (в Ганновере).

— На самом деле я просто устал: те несколько месяцев, что я прожил в Минске, чуть ли не ежедневно появлялись огромные статьи, где меня в чем только не обвиняли. И слово “фашист” было еще не самое обидное.

— Во главе травли снова стоит Владимир Севрук — некогда заведомо ЦК КПСС, под чьим чутким руководством в “Правде”, “Красной звезде” и “Советской Белоруссии” в середине 60-х разгромили вашу повесть “Мертвым не больно” за “одностороннее освещение войны и очернительство народного подвига”...

— Этот человек из разряда непоколебимых, его еще называют идеологическим фениксом. Теперь он в команде Лукашенко, советник президента по литературе. И как это ни страшно говорить, белорусская литература кончает свое существование. У союза писателей уже отобрали здание, а в ближайшее время закроют последние литературные журналы. Во всяком случае, товарищ Севрук активно работает в этом направлении — он уже собрал главных редакторов толстых журналов, что в ближайшее время они должны будут значительно урезать штаты. И это только начало. В таких условиях жить и работать просто невыносимо.

— Поэтому представители белорусской интеллигенции в последнее время так активно бегут на Запад?

— На самом деле выехать из Белоруссии очень сложно — у нас же существует так называемый штамп о свободном выезде, без которого нельзя покинуть пределы республики. Но эмиграция постоянно растет, люди бегут от режима Лукашенко под любыми предлогами. И что самое печальное — бежит молодежь: та, которая участвует в демонстрациях, та, которую вышвыривают потом из университета. Своей стране они не нужны. Они не могут свободно выражать свое мнение, им негде работать. Уезжают в основном в Польшу и Чехию, некоторые добираются до Германии.

— И наверняка первым делом пытаются связаться с вами. Хотя, если честно, найти вас здесь совсем непросто. Мне самой пришлось обзвонить чуть ли не пол-Германии, чтобы отыскать ваши координаты. В белорусском посольстве в Берлине и Бонне радостно сообщили, что уже больше года ничего не знают о вашем существовании.

— Это ложь! Как только я приехал во Франкфурт, связался с посольством и оставил им телефон и адрес. А что касается соотечественников, бегущих на Запад... Что я могу для них сделать? Я здесь всего лишь гость, частное лицо — не более того. С другой стороны, в последнее время в Европе много пишут о печальном положении с правами человека в Белоруссии. Когда на днях прошло сообщение, что из Минска выгнали представителя ОБСЕ, я не удивился. Перед ним был вынужден уехать прежний председатель этой организации. Причина — и тогда, и сейчас — одна и та же: им не дают заниматься правозащитной деятельностью.

— В конце апреля заканчивается ваше пребывание в Германии. Не страшно возвращаться в Минск?

— “Эскадроны смерти”, пропавшие люди, не согласных с режимом. Вы это имеете в виду?

В немецких газетах его называют “последним профессиональным писателем реалистического толка Европы”. Испанские литературоведы защищают на нем докторские диссертации. В библиотеке конгресса США за его книгами выстраивается очередь.

Василь Быков, самый читаемый белорусский автор во всем мире, вошедший в плеяду лучших писателей, рассказавших правду о Великой Отечественной войне, вот уже несколько лет живет за границей, в добровольном изгнании. “Знак беды”, “Карьер”, “Дождит до рассвета”, “Пойти и не вернуться”, “Сотников”, “В тумане” — этими книгами зачитывалась вся страна, они изданы в 40 государствах и давно признаны бестселлерами.

Сейчас их проходят в русских школах, но почти забыли в Белоруссии.

Его книги невозможно купить на родине, потому что там их не печатают.

А сам ветеран войны Василь Быков в свои 77 лет стал политическим беженцем.

Василь БЫКОВ:
“В Белоруссии
меня ждет
осиновый кол”

ЖИЗНЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

— Да, конечно.

— Выстрелить в затылок в подъезде собственного дома могут всегда. У нас уже не один раз так было. Оппозиция исчезает в неизвестном направлении, а прокуратура никак не может найти преступников.

— А разве их ищут? Судя по официальной хронике, никакой оппозиции в Белоруссии нет, все это выдумки буржуазной, в том числе и российской прессы и личных врагов Александра Григорьевича. Кстати, Василь Владимирович, объясните мне, пожалуйста, за что президент Лукашенко так вас не любит?

— Для меня самого это загадка. С Лукашенко я ни разу не встречался, но он с самого начала своей политической карьеры объявил меня националистом, который хочет оторвать от России Смоленскую и Брянскую области, забрать у Польши Белостокскую и присоединить их всех к Белоруссии.

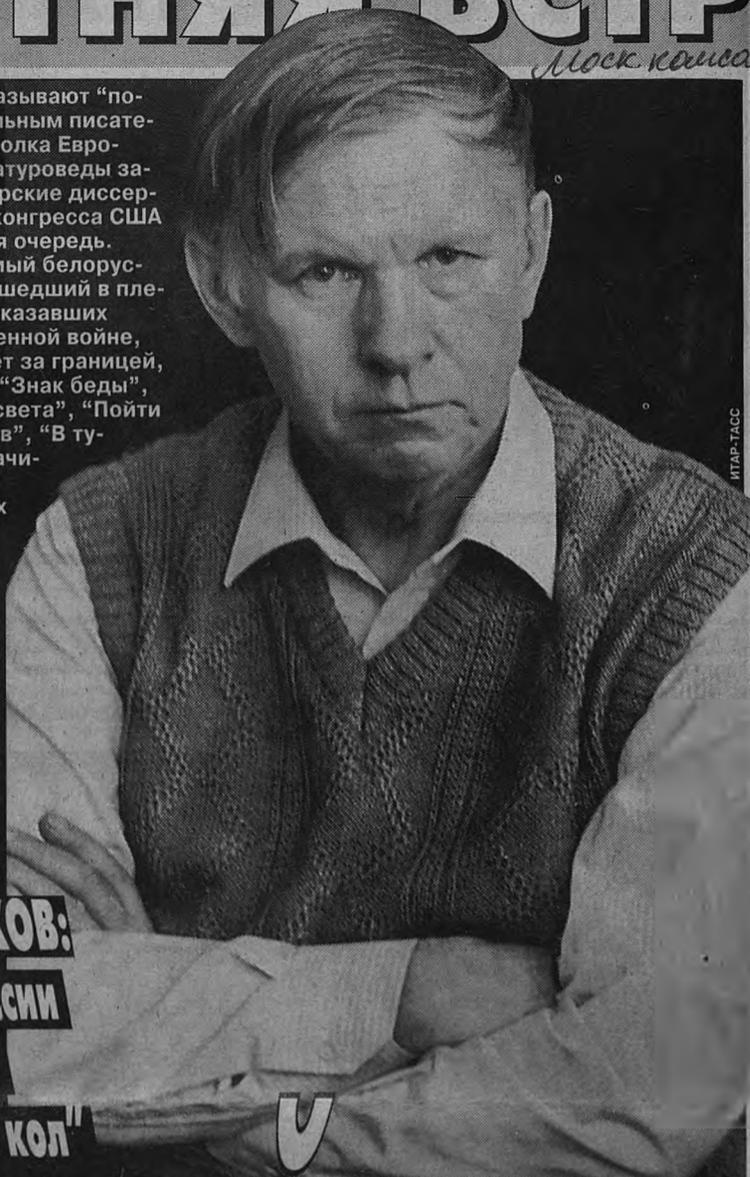
— Ну, если объединение России и Белоруссии, о котором в последнее время столько говорят, все-таки произойдет, большая часть “вашего плана” — по словам Лукашенко, естественно, — сработает автоматически.

— Мотивы этого объединения — абсолютная авантюра, я даже перестал этим интересоваться. Я убежден, что на самом деле Лукашенко объединение не нужно. Ему нужна риторика, возможность кормить свой народ новыми сказками. Эти сказки гораздо выгоднее, чем вся белорусская промышленность, вместе взятая. Без них республика останется без газа, встанет машиностроение и т.д. Если честно, я не вижу выхода из той ямы, в которой мы оказались. Под сладкие речи президента идет планомерное уничтожение белорусского языка, культуры и литературы. Вот это меня пугает больше всего, против этого я протестую. А в Минск я возвращаться не боюсь: захотят убить — и здесь достанут. Правда, и задерживаться надолго в Белоруссии тоже не собираюсь — у меня уже есть несколько приглашений пожить в других странах.

— То есть вы категорически не верите в светлое будущее родной страны?

— Я очень хорошо знаю реальную ситуацию. Если раньше преследовали только инакомыслящих, то теперь взялись и за всех остальных. Сейчас организована травля моего друга Геннадия Буравкина. Он поэт, при Машерове был председателем Белорусского ТВ, глубоко порядочный человек. Так вот, виноват он только тем, что не поддерживает режим и не хочет публично признаваться в любви к нынешней власти. Вам это ничего не напоминает?.. На наших глазах появился, как его уже окрестили на Западе, неосоветский режим. А ему нужны новые герои. Вот “Витебский базар”, на который нищая страна тратит колоссальные средства, — в духе нового времени. Это Лукашенко обожает.

— Василь Владимирович, ну что мы с вами все о политике и о политике. В конце концов,

их партийных товарищей таскали на ЦК. А со мной не знали что делать — знакомое многим словосочетание “принять меры” по отношению ко мне не срабатывало. “Был бы коммунистом, выгнали бы из партии”, — говорили мне уже в либеральные времена. А ведь как тогда ломали людям судьбы!..

— Вы имеете в виду известное в 60-е годы дело о “клеветнических измышлениях группы белорусских литераторов против подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны”? Покушение на официальную идеологию, которая гласила, что “подвиг советского народа бессмертен, трусости и предательства на войне не было”, — во все времена тяжкий грех.

— Я проходил по этому делу вместе с писателем Алексеем Карнюком, командовавшим в войну партизанским отрядом, и Борисом Клейным, доцентом мединститута, преподававшим историю КПСС. Друзей моих исключили из партии, у Клейна отобрали кандидатский диплом. Против Карнюка КГБ выдвинул 7 пунктов обвинений, каждый из которых тянул на 15 лет. Его жена, услышав весь этот бред, в тяжелейшем состоянии попала в онкологический, детей выгнали с работы. А Клейн, кандидат исторических наук, еще долгие годы работал на овощном складе, таскал на своем горбу ящики с морковкой.

— Ваша жизнь круто изменилась после прихода к власти Горбачева?

— “Знак беды”, который долго не хотели печатать, в конце концов получил Ленинскую премию. По повести “Сотников” режиссер Лариса Шепитко сняла прекрасный фильм “Восхождение”. Горбачев — первый из руководства ЦК, кто отнесся ко мне хорошо. Мы много раз встречались, о многом разговаривали. Несмотря на все послеперестроечные обвинения в его адрес, он мне по-прежнему очень нравится — Михаил Сергеевич демократичный, добрый и просто хороший человек. Да, у него не получилось то, что он задумывал, но он был во многом ограничен. Вспомните его окружение — разве с такими людьми можно было что-то реформировать?

— По этой же причине вы, отслужив после войны еще 10 лет, уволились из армии?

— Я убежден: самый большой бардак именно в армии, где очень высокие требования и очень низкие возможности для их выполнения. Армия в мирное время — это спектакль, требующий слишком дорогих вливаний. После Саратовского общевойскового училища я служил в Болгарии, потом 5 лет на Сахалине и Курилах. С Дальнего Востока перевели под Бобруйск, где мы, офицеры, жили в хатах у колхозников. В общем, насмотрелся на весь этот бардак и стал убежденным антимилитаристом. Армия — не моя стихия, это самая настоящая кабала. Я не хотел служить, мечтал уволиться. Но в те годы это можно было сделать только через скандал. К счастью, когда я уже почти отчаялся, Хрущев заявил о сокращении армии на 500 тысяч человек. Комиссия признала меня негодным, и я уволился в чине майора — без отпускных и квартиры. Приехал к жене в Гродно с одним чемоданом, и мы еще два года ютились вместе с маленьким сыном в однокомнатной квартире, где кроме нас жили еще ее сестра с мужем. Потом долго снимали чужие углы...

— Но сейчас, если верить белорусским СМИ, у вас все в порядке?

— Мои повести печатались на 40 языках, причем очень активно на Западе, но гонорары за них получала “Союзкнига”. Мне же платили за книгу 60 чехов, на которые можно было отovarиться в “Березке”. Сейчас я знаю, что эти средства шли на финансирование зарубежных отделов КГБ. Однажды по этому поводу случился конфуз. Пригласили в Париж на презентацию моей книги. Причем французы настаивали на моем приезде, возмущенные тем, что гонорар за нее придется выплатить какому-то дяде с погонами. И вот в конце концов я прилетаю, а работники издательства виновато отводят глаза: “А гонорар вы не получите, нам все-таки пришлось их отдать. Отстояли только карманные деньги”. А та сумма, которую мне все-таки удалось скопить, лежала у меня на книжке и рухнула в один день.

— У вас никогда не возникало желания, перечитывая свои прежние произведения, что-нибудь изменить, улучшить?

— А я никогда ничего не перечитываю. У Льва Толстого в конце жизни спросили, как он относится к Анне Карениной. “А кто это?” — совершенно искренне удивился классик. “Ну как же, ваша героиня...” — и пересказали ему сюжет романа. “Неужели я написал о такой ерунде?” — удивился Толстой. Это не кокетство и не небрежное отношение к собственному творчеству. Столько всего нужно успеть, что некогда оглядываться на то, что ты уже когда-то делал... Мое поколение уходит. Умер мой друг Алексей Адамович, умер Виктор Астафьев, с которым мы переписывались до самого последнего дня. Они уходят, унося с собой историю, культуру, настоящую литературу. Здесь, в Германии, я познакомился с уникальным человеком. Борис Владимирович Киту 92 года. Он родился в Питере, жил в Западной Белоруссии, был директором в трех гимназиях. Потом прошел через концлагеря, гестапо и в конце концов уехал в Америку. Там он работал вместе со знаменитым Вернером фон Брауном, участвовал в проекте “Аполло”, избрал жидкий водород для ракеты. Его знают ракетчики всего мира, он академик Международной академии астронавтики и до сих пор преподает математику в эдснем университете. Фантастика! Мы беседовали с ним все лето и всю осень, и он во многом перевернул мои знания на многие вещи. Я очень хочу написать об этом человеке — если успею, конечно... Раньше Борис Владимирович приезжал в Белоруссию как беженец, а теперь в Новогрудках есть его музей. На гимназии, которую он строил, повесили медную доску.

— История все расставит по местам... На медную доску в Белоруссии я никогда не рассчитывал, а вот осиновый кол, думаю, мне там поставят с удовольствием.

Елизавета МАЕТНАЯ,
Франкфурт-на-Майне — Москва.

президенты и диктаторы приходят и уходят, а хорошие книги остаются.

— Да кому они сейчас нужны — хорошие книги?! Вся правда о времени неприемлема, реалистическая литература утратила свое значение — она никого не интересует. Ни издателей, ни критиков, ни читателей. Надоело писать... Не вижу смысла! Придут новые писатели, которые напишут так, как нужно рынку. Я так писать не умею. И не хочу.

— Но ведь здесь, в Германии, насколько я знаю, вы работаете над своей автобиографией?

— Я ее уже закончил. И знаете, с этой книгой произошла очень странная история. Когда я писал на компьютере, во Франкфурте, впервые за много лет, произошел какой-то сбой на электростанции, и весь город погрузился во тьму. Когда я снова включил компьютер, все файлы исчезли. Компьютерщики сколько ни бились, только руками развели — полетел жесткий диск, восстановлению ничего не подлежит. К счастью, я успел распечатать книгу на принтере.

— Первой читательницей, как всегда, была ваша жена, Ирина Михайловна?

— Мы с ней даже поругались из-за нее, пару дней не разговаривали. Едва уладил скандал!

— Что же вы такого о себе написали?

— Ну как что? Правду... Правда, моя жена утверждает, что это самоговор. В наше время не принято было рассказывать о некоторых вещах, например, о проблемах с алкоголем. А ведь было, было! И в юности, и когда на меня начались первые гонения. Прикладывался к бутылке, чего душой кривить. Особенно после мероприятий, на которых присутствовали мои оппоненты... Хотя до милиции дело ни разу не доходило, до психушки тоже. “Неужели я жена алкоголика?” — прочитав, возмутилась моя жена. — Это же не так!

— Разве алкоголизм сейчас кого-нибудь удивляет? После грязных истин Андрона Кончалевского и откровений Татьяны Егоровой об Андрее Миронове это признание для детей дошкольного возраста.

— Может быть, и так, но пришлось ради сохранения мира и спокойствия в семье кое-что утаить. А вообще, скажу я вам, это ужасно сложное дело — писать мемуары. Уместить несколько десятилетий в одной книге!.. Она получилась очень информативной, хотя излишний лаконизм, боюсь, ей все-таки мешает.

— Это правда, что Ирину Михайловну вы отбили у мужа?

— Тут сложно сказать, кто кого отбивал. Мы оба были люди семейные, вместе работали в Гродно, в областной газете. Развелись, поженились, уже 25 лет вместе. Оба, кстати, всю жизнь беспартийные.

— А вот это раньше карьеру не способствовало.

— Да ну! Если товарищ Севрук, курировавший Главлит, в те годы что-то недосмотрел, то всех мо-